

ГБОУ РХ «Хакасская национальная гимназия-интернат им. Н.Ф. Катанова»

Адрес: республика Хакасия, город Абакан, ул Крылова 35, индекс 655003.

Телефон: (3902)24-33-96, электронная почта khngi@yandex.ru

Всероссийский школьный конкурс исторических  
исследовательских работ

**«Человек в истории. Россия – XX век»**

**Номинация: Цена победы**

**Исследовательская работа: «Тетрадь с войны».**

Выполнил:

ученик 10 «Б» класса

Толмашов Кирилл Анатольевич

Руководитель: учитель истории

Круподёрова Оксана Елизаровна

Абакан, 2019

## Оглавление

Введение.....стр. 3

Глава 1.

1941-1942 гг.....стр. 4-9

Глава 2.

1943-1944 гг.....стр. 10-11

Глава 3.

1945 г.....стр. 12-15

Заключение.....стр. 16-17

Литература.....стр. 18

## Введение

Передо мной лежала обыкновенная старая тетрадка с пожелтевшими от времени, запятнанными листами, где разными чернилами, а кое-где и карандашом, неровным, торопливым почерком, было что-то написано на хакасском языке. Не везде текст можно было прочесть. Да и я, честно говоря, хакасский язык, постиг ещё не в совершенстве. Но бегло пролистав тетрадь, понял, что на этих страницах описывается боевой путь моего прадеда, Самсона Трофимовича Мамышева, его нелёгкая судьба военнопленного. В конце рукописи слова, написанные бабушкиным чётким почерком. Они заставили меня отложить все мои дела и сесть за старую тетрадь. «Дорогой наш отец, Мамышев Самсон Трофимович! Великомученик наш. Наверное, за всех детей своих, внуков и правнуков отстрадал и отмучился ты на этой земле. Мы желаем тебе Царство Небесное». Так зародилось желание, во что бы то ни стало перевести рукопись на русский язык и узнать о судьбе моего прадедушки. Переводить текст мне помогала бабушка, она же дополняла перевод устными воспоминаниями о своём отце, моём прадеде. Таким образом, целью работы является узнать о военной судьбе прадеда и, быть может, о судьбе сотни других таких же, как он пограничников, оказавшихся в окружении в начале Великой Отечественной войны, ставших жертвами сталинской роковой ошибки. Задачи: восстановить по годам боевой путь моего прадеда.

- 1) 1941-1942гг.
- 2) 1943-1944гг.
- 3)1945г.

Искренне хочется, чтобы моя работа стала не только материалом для классных часов по патриотической тематике или вписала ещё одну трагическую строку в историю Великой Отечественной войны, но и стала назиданием каждому из нас. Война – самая большая ошибка человечества.

## Глава 1. 1941-1942 гг.

Записи моего прадеда начинаются с упоминаний о его семье и деревне, где он родился и вырос, вплоть до того момента, когда его призвали в вооружённые силы СССР.

Мамышев Самсон Трофимович родился в многодетной семье в Таштыпском районе, в маленьком хакасском улусе «Карагай». Отец – Мамышев Трофим Тачеевич, мать – Мамышева Каратина Ноневна. В семье кроме него подрастали ещё братья: Сапин, Максим и Павел.

Согласно рукописям, Самсон Трофимович был призван в армию 21 июня 1940 г. Самостоятельно добрался до Таштыпского военкомата, а затем, вместе с земляками Амзараковым Лазарем, Шулбаевым Егором, Тюмерековым и Субраковым, его отправили в Абакан. Из Абакана поездом в Ачинск. Из Ачинска в Челябинск. С Челябинска на Украину, в город Киев.

Прадед описывает путь до Киева как тяжёлое, но увлекательное путешествие для почти не видевшего мир паренька из Хакасии: «Среди земляков был сильный борец Субраков. Пока ехали до Киева на каждой станции устраивали соревнования. Он всех переборол. Правда, когда приехали в Киев, не смог одолеть, одного русского богатыря, говорили, что ударом кулака он убивал лошадь».

С Киева вместе с Барашковым, Амзараковым и ещё одним парнем из Хакасии, Тороковым Егором, их направили на Западную Украину, город Перемышль, а оттуда на границу. Остальные земляки разъехались по другим местам. Прадеда с Тороковым Егором взяли в командирскую школу связи.

По его воспоминаниям, на первых порах было тяжело, не хватало грамотности, но парни терпеливо учились. Позже Шулбаева и Амзаракова отправили в город Киров. Самсон Трофимович служил в пехоте 133 полка в четвёртой роте. Командиром роты был Мельников.

21 июня 1941 роту распределили караульными по складам. Прадед с товарищами охранял склад, где были сапоги, шинели и продукты. Перед рассветом слышались взрывы, там, где строили новый город. Он разбудил

товарищей. «Сразу всё поняли – война! Командир роты всегда говорил, что учиться надо хорошо, война будет, вот она и началась». Все стали спешно писать письма родным, может последние. Пришёл солдат с границы. «От его рассказов стало жутко», – вспоминает Самсон Трофимович. Он говорил, что немцы убивали людей, не щадили даже детей, добивали штыками.

«Мы стояли на своих постах, не смея двинуться с места, – пишет прадед. – Приказа не было, а мимо нас бежал испуганный народ: кто пешком, кто на лошади, кто на машине, некоторые полуголые с детьми на руках. Тяжело было смотреть на это. Немецкие самолёты летали почти над крышами домов и бомбили город».

Наконец их сняли с постов. Роту построили. Далее прадед писал: «Пока мы слушали своего ротного, который докладывал о сложившейся обстановке, поляки опустошали склады. Командир роты Мельников приказал застрелить этих мародёров. Командир взвода и старшина исполнили приказ командира роты». Для прадеда они стали первыми жертвами войны. А сколько их будет ещё впереди, он не мог даже предположить.

«Когда стоял в строю, – вспоминал Самсон Трофимович, – увидел наших солдат, проезжающий на машине, среди которых был Гороков Гаврил». Он помахал ему рукой. Больше земляки не виделись никогда. Мельников зачитал приказ Сталина оставить новую границу и перейти на старую. Рота прадеда отступала на восток, к ним присоединились ещё несколько рот. На границе из них сформировали два полка.

«Нашим полком, – рассказывал он, – командовал генерал-майор небольшого роста, русский полноватый мужчина. Мы шли, ехали, днём и ночью, отступая от немцев». Днём они оборонялись, а ночью отступали в направлении города «Любовь». Но как выяснилось, его успели занять немцы и их направились в город Тернополь.

Не дойдя немного до города, бойцы попали в окружения немцев. «Это случилось вечером, – пишет прадед. – Всю ночь они стреляли, и мы

стреляли, кто куда, ничего не было видно, ночь». Утром командир роты отдал приказ, наступать в сторону церкви и во что бы то ни стало выйти из окружения.

«Мы спрятались во ржи, – вспоминает Самсон Трофимович, – немцы не дают поднять даже головы. Пули летят, льются на нас как дождь». Егор, Лазарь и Самсон оказались в одном отделении, командира которого вскоре убили. Погиб и командир роты Мельников. Прадеду подстрелили большой палец правой руки.

Далее в тетради скупые строчки, за которыми стоят горькие переживания, которые прадед пронес через всю жизнь: «Мои земляки... Амзараков рядом лежит – убит. Егор тоже убит пулей навывлет. Народ гибнет под свинцовым ливнем». Самсон во ржи оставил ружьё и шинель и пополз к своим. Один солдат помог перевязать палец, и он пополз дальше. В конце поля оказалась глубокая канава, в которой боец спрятался. Немного погодя, выбрался из своего убежища, прошёл немного, и вдруг перед ним открылось красное поле.

«Это была клубника, – вспоминает Самсон Трофимович. – Взял несколько ягод в рот, попробовал, но так и не смог проглотить. Невдалеке виднелся дом, пошёл в его сторону. Добрался до него, зашёл. Там было много народу, все плачут, мне дали хлеба с молоком. Одна высокая женщина сняла с головы белую шаль с кисточками и обернула мою руку. Этот дом я быстро покинул. Только вышел – вижу, по шоссе идут три немца, я быстро забежал в рожь и побежал что было сил, остановился, прислушался – никого нет. Рожь высокая, выше моей головы. Пошёл дальше, увидел озеро, а там разные птицы, и тут я с горечью вспомнил о своих товарищах, которые полегли в этих местах. Подумал, что и мне предстоит такая же участь. Куда мне деваться.

Мысленно обратился к птицам: «Родные птицы, летайте, живите»! Дошёл до конца поля, а там наши солдаты, человек двадцать. Они тоже без ружья. Моя рука вся в крови, которая никак не останавливается. Немного

погода приехали командиры – старший лейтенант, раненный в голову, и старший политрук с прострелянной ногой. Нас построили, и мы пошли, но идти пришлось недолго. На горе увидели немецкие пушки».

Один парень предложил солдатам разбежаться всем в разные стороны по одному, иначе в одном месте все в пушечное мясо превратились бы. Так они и сделали. Когда Самсон Трофимович спустился с горки, то своих товарищей не обнаружил – те потерялись из виду. Неподалеку дети пасли коров. Он у них спросил, пробегали ли здесь люди. Они сказали, что два человека пробежали только что.

Самсон пошёл дальше и вдруг услышал стрельбу вслед. Пришлось вернуться обратно и спросить, кто стрелял. Один парень сказал, что это дети-поляки и они уже убежали. Он поверил и пошёл дальше. Впереди раскинулась деревня, а возле неё речка. Кто-то выстрелил в прадеда с противоположного берега, но промахнулся.

«И тут вдруг, – делится переживаниями прадед, – мне стало так горестно и обидно, что придётся тут видимо умереть и здесь моя смерть. Попрощался мысленно с сыном». Но вдруг обнаружился поляк, который стрелял в него. Он попросил прадеда пройти по мосту. Он шёл по мосту и горько плакал.

«Видимо умирать не хотелось, – вспоминает Самсон Трофимович. – На мосту было много народа. Иду и ручьём слёзы. В это время подошла ко мне женщина, и спросила, откуда я. Ответил, что я из Сибири, Красноярского края. Она закричала, что я её земляк и велела идти быстрее, так как людей, шедших перед ними, расстреляли среди сосен».

Эта женщина повела его к себе домой. Деревня, в которую они пошли, называлась «Соловей». Она накормила солдата и спрятала в сарае, покрытом соломой. Хозяйка привела фельдшера, который обработал рану. «Этим людям, – пишет Самсон Трофимович, – я благодарен вечно». Перед рассветом прадед хотел уйти к партизанам, поискать своих, но только они с хозяйкой подошли к калитке, как вдруг появились три немца. Они его

притащили в штаб, допрашивали, но прадед только качал головой, ничего, мол, не знаю, не понимаю.

Затем Самсона Трофимовича вместе с другими ранеными отвезли в Тернополь, в больницу, а там было много раненых красноармейцев. У кого руки, у кого ноги нет. Прадеду дали койку. «Немного погодя вошёл немецкий генерал, – рассказывает Самсон Трофимович, – поздоровался по-русски. Спросил откуда я. Сказал, Красноярский край, Сибирь. А он, я там был, это очень далеко».

В Тернополе пробыл он 7 дней. Затем раненых повезли в г. Любовь. Там в городской больнице все раненые лежали прямо на полу. «Раны гнили. Моя рука тоже опухла и почернела. Здесь я провёл целый месяц. Кормили очень плохо. Сухарь и яйцо на целый день. Рана плохо заживала. Здесь санитар был. Он мне сказал: верь в Бога, вернёшься домой. И я верил», – рассказывает прадед.

Через месяц вместе с другими легко раненым его отправили в г. Любовь-крепость. Там было очень много людей. Шли дожди, а спрятаться было негде. «Каждый день немцы убивали людей. Через некоторое время нас построили, и не видно было конца и краю этому строю. Автоматной очередью стали немцы убивать всех кто стоял в строю. Ох, сколько там погибло наших, но мне в числе немногих повезло», – с горечью вспоминает прадед.

Затем его взяли в санчасть на лечение. Там пожилой доктор, русский пленный, осмотрел его руку и сказал, что в прострелянном пальце осталась кость, которую он вытащил, и только тогда рана стала заживать. Самсона поместили в общий лазарет. Каждый день умирало помногу народу. Была организована рабочая команда из 24 человек, которая таскала умерших и складывала в ограде санчасти.

Однажды прадед вышел на улицу, погреться на солнце – там многие пленные ели траву. Самсон тоже попробовал. Вдруг голова его закружилась и больше он ничего не помнил. Очнулся на кровати. Тогда старый доктор



пощупал ему пульс и сказал: Ну, Самсон, ты больше не умрёшь!». После того как рана зажила, прадеда отправили во вторую санчасть и включили в список пленных. В этом лагере было много вшей. «От них невозможно было избавиться. Это было ужасно и страшно. Люди, покрытые вшами», – вспоминает он.

Таким образом, боевой путь моего прадеда с 1941 по 1942 год выглядел примерно так: Перед началом войны Самсон Тимофеевич служил на границе, недалеко от города Перемышль. 22 июня 1941 года охранял склад в составе караульной роты, когда началась война. Его рота получила приказ об отступлении. Возле города Тернополя войска, где служил прадед, попали в окружение. Попытка прорвать окружение противника, закончилась неудачно. Раненый Самсон Тимофеевич самостоятельно выбрался из окружения. Укрыла его у себя в сарае жительница деревни «Соловей». Солдат решил уйти к партизанам, но по дороге его схватили немцы и устроили ему допрос, на котором он ничего не сказал. Раненого бойца отправляют в санчасть в г. Тернополе, а затем в городскую больницу г. Любовь. В 1942г. его отправляют в санчасть г. Любовь-крепость. Там пожилой доктор сумел вылечить рану. Немцы уничтожали раненых военнопленных, но прадеду повезло – он остался жив.

## Глава 2. 1943-1944 гг.

Вскоре Самсона Трофимовича выписали из крепости, и он оказался в общем лагере. Там каждый день люди умирали сотнями. В лагере было много людей различной национальности, но каждая нация по отдельности.

«Ищу хакасов и не могу найти, – вспоминает прадед. – Переночевал возле узбеков, в углу у двери, прямо на полу, по которому ползают вши. Вторую ночь так же». Затем Самсона Трофимовича отправили в город «Селце». Там находился лагерь кавказских народностей: грузин, армян, азербайджанцев. Именно в этом месте ему довелось встретить Тазьмина из Аскиза, который был там единственным хакасом. Они работали день и ночь, а кормили их очень плохо.

Следующим местом пребывания прадеда стал город Деблин, рядом с которым протекает река Висла. «Это был уже 1944 год, – пишет Самсон Трофимович. – Кормим крупнорогатый скот, нас 12 рабочих. Хакасов не нашёл. Здесь был склад. Воровали еду, так и кормились. Тогда я встретил хакаса Чепчигашева Ипиле с Аскиза, теперь мы с ним как два брата. Слышали, партизаны взорвали железную дорогу. У меня одна мысль – попасть к партизанам. Спросил одного парня, как это сделать, он обещал помочь. Координаты расположения немцев я хорошо знал, но партизаны больше не появились. В этом году нас погнали на запад. Чепчигашева я потерял в этой суматохе, но в Деблине встретил Мистрякова. Он родился в улусе Киндирла, Аскизского района».

Когда они дошли до какого-то незнакомого города, неожиданно английские самолёты сбросили бомбы на кирпичные дома. Прадед забежал в чей-то дом, а когда вышел на улицу, никого уже не было. Вышел за город – все там. А у него одна мысль сверлила у него в голове – как скрыться, спрятаться. Необходимо было отстать от остальных.

«Опять погнали нас на Запад. Дошли до города Кракова. Один пытался бежать – застрелили. Здесь я и видел настоящих злых немцев, –

рассказывает Самсон Трофимович. – Видим, евреев погнали вдоль сосен, затем была слышна автоматная очередь, а когда подошли к этому месту, то увидели, как они лежали мёртвые среди сосен, особенно много было женщин и детей ».

Утром путь прадеда продолжился вновь. Когда дошли они до города «Токмашов», им сказали, что до города Варшава 101 км.

«Со мной мой товарищ Мистряков, – вспоминает прадед. – Работаем с утра до ночи, копаем окопы, а немецкие офицеры на конях нас караулят».

Однажды, с разрешения немцев, был организован «курес» в честь какого-то мусульманского праздника. Самсон Трофимович решил в нем поучаствовать.

Один борец повержен, второй, третий. Рослый казах кричал прадеду:

«Единственный хакас непобедим». А к другим борцам обращался с укором:

«И что, перед единственным хакасом вы все оказались бессильны?»

Неудобно стало им перед старейшинами, что так получилось. Как-то раз

Самсон с Мистряковым косили сено, делали копну, и вдруг к ним подъехал злой немец на коне и крикнул на Самсона: «Ты еврей?» Он сказал: «Найн!»

Этот немец чуть не застрелил прадеда. Оказалось, что после такого поражения, казахи и киргизы пожаловались немцам, что Самсон – еврей.

Мысль, о том, что теперь этот немец его в покое не оставит, укрепила в уме прадеда идею бежать.

Таким образом, 1943г. прадед попадает в город «Сельце», в общий лагерь для военнопленных, в котором он работал день и ночь. В 1944-м году Самсон Трофимович оказывается в городе «Деблин». Мысль о побеге к партизанам не покидала его. Потом погнали прадеда в город Краков, где он стал свидетелем массового расстрела еврейского населения фашистами. Позже он был переброшен в город «Токмашев» в 101 км. от Варшавы, где немцы заставляли пленных копать окопы. Чуть не был убит немецким офицером, которому сказали, что Самсон Трофимович якобы еврей.

### Глава 3. 1945 г.

15 января 1945. «Нас снова погнали на запад,— повествует прадед. — Дошли мы до города Пласке, остановились возле него на отдых. Вижу слева деревню, с этой же стороны — вспаханное поле. Заметил поблизости и окопы. Думаю, спущусь в окоп, прикроюсь ветками, а если найдут и пристрелят — ну и ладно. Так и сделал. Лежал долго, пока немцы не ушли».

Далее путь в деревню. Зашёл Самсон в дом на её краю. Встретилась ему женщина-полячка. Он спросил у неё, есть ли немцы в округе. Она ответила, что нет. Тогда прадед зашёл в другой дом.

«Там было полно народу, смотрю, наши солдаты, — вспоминает прадед, — пленные: 8-татар, 1 удмурт и я — хакас. Мне стало легче. Появились друзья». По предложению одного из них, Самсон Трофимович и остальные отправились к спиртовому заводу, находящемуся в пустом городе, чтобы добыть спирт и продукты питания. Оказавшись в городе, зашли в один дом. Всё в доме осталось: вещи, одежда и т. д. В другом доме было все-то же самое. Наконец пришли на завод по производству спирта, зашли в пищевой склад.

Потом татарин предложил пойти в деревню, там приготовить еду, попробовать спирт. Пришли они в деревню, зашли в дом, там их встретила женщина. «Думаю, если выпью спирт случится что-то плохое. Дома- то никогда спирт не пил, — делится мыслями прадед. Когда все товарищи сели за стол, татарин сообщил : «Сталин сказал, если больше 20 человек попадутся пленные — не убивать, а меньше расстреливать». Выпили они спирта, но никто не опьянел. Оказывается, когда человек находится в таком критическом состоянии его и спирт не берёт.

Переночевали в доме, а утром дошли до другой деревни. В этой деревне жили немцы и оставили всё своё богатство, весь скот. Татарин тогда предложил устроить праздник и зарезать барана. Так и они сделали — но есть

его никто не стал. Ночь пережили они там же, а утром ушли в другую маленькую деревню. В ней никого не оказалось.

Когда уходили из деревни, по шоссе шла наша пехота. Прадед с товарищами шли примкнул к ней. «Солдаты внимательно, с недоверием смотрели на нас, – вспоминает Самсон Трофимович. – Недалеко виднелась деревня. На углу один солдат чуть не пристрелил меня, но я ничего не сказал ему, только посмотрел в глаза. Мы пошли дальше, куда указал нам командир. Дошли до города. Зашли в двухэтажный дом, там такие же, как и мы, а командиры на нас внимания не обращают, только сидят вокруг стола и что-то решают».

Их было человек тридцать. Вдруг зашел высокий в военной форме офицер и стал расспрашивать адреса прадеда и его товарищей, кто, откуда прибыл, все отвечали ему. «Он дошёл до меня, – рассказывает Самсон Трофимович, – и спросил, откуда я. Сказал, Сибирь, Красноярский край. Всех расспросил. А потом взял железную цепь и снова пошёл по кругу. Расспросит адрес и давай бить цепью. Адрес и удар цепью раза 3-4. Дошла очередь до меня, я повторил свой адрес. Меня бить не стал. Сидим, ждём дальнейших указаний».

Зашёл милиционер и подошёл к прадеду и сказал: «Вставай, пошли!» Самсон растерянно спросил: «Куда?» А он в ответ лишь: «Вставай, вставай». На улице солдаты – трое русских. Один из них подошёл и спрашивает: «Где ты был?» Самсон ответил. Он вытащил наган и стал угрожать прадеду выстрелом. Самсон Трофимович стал просить не убивать его. Рассказал, что служил на границе в 1940 году и попал в окружение.

«Всё равно тебя расстреляю, ты был в плену», – и направил наган в грудь Мамышева. Подошёл второй, повернул его к себе того с наганом и крикнул: «Не стреляй!» Дал ему хорошую пощёчину. Того, кто сказал не стреляй, Самсон попросил отвести его в сарай. Его просьба была выполнена. По дороге на его глазах казнили немецкого командира. Голова, ноги, руки – всё по отдельности лежит. Милиционер заставил собрать его всё это в ящики.

Затем повели пленных куда-то через дорогу, а войска всё двигались и двигались по дороге: мотоциклы, пехота. «Глядя на нас усмеваются, когда солдаты усмеваются легче становится, – пишет Самсон Трофимович. – Милиционер велел раненого в больницу отнести, дал носилки. Его донесли, передали в больницу санитарам, перекусили. Пошли обратно. Переночевали.

Утром погнали нас к тюрьме. Смотрю, за нами ещё идут. О, вижу, мой Мистряков идёт. Опять встретились. Иду, вдруг милиционер меня в левый бок толкнул, открылась дверь, и я очутился один. Потом понял, что очутился в одиночной камере. Жутко холодно. Здесь койка и матрац с опилками. Всю ночь ходил по камере пытаюсь согреться».

Утром, когда прадеда выпустили, Мистряков спросил его, где он был. «Вот там-то и был», – ответил Самсон, показав на здание тюрьмы. – Наверное, грехи очищал». В той камере, где прадед ночь ночевал, один 45 лет сидел. Правда у него еда была, постель тёплая, но не было воли. Снова пленных погнали неизвестно куда.

«Наши в эти дни немцев гнали, – рассказывает прадед, – кто отстанет, того пристреливают. Пришли в какой-то большой город. Загнали в сарай. Зима, мороз. В этом сарае пленные разной национальности. Кормят плохо. Приходилось попрошайничать. У поваров, у полячек выпрашивать хлеба. Делился с Митстряковым. Жутко холодно. Один солдат разжёл костёр. Его тут же расстреляли, расстреляли человека, просто гревшегося у костра. Больше костры не разжигали».

Среди них были два командира. Они пожаловались в штаб полка: «Чем нас так мучить, лучше пристрелите». Нас освободили. В городе Люблине проверяли всех пленных, нам предстояло ехать туда. «Садимся в вагоны, вольными себя чувствуем, едем без какого либо начальства», – делится чувствами Самсон Трофимович. Проверка была жёсткая. Далее записи обрываются.

Таким образом, 1945г, в январе военнопленные остановились возле города «Пласке». Самсон устроил побег, ушёл в маленькую деревушку,

встретился там с такими же беглыми бывшими пленными. Они пошли в неизвестный город, где разжились продовольствием и спиртом. Снова маленькая деревушка без названия. И, наконец, наши солдаты – пехота. Прадед с товарищами примкнул к ним. Пришли в какой-то город. Милиционер учинил допрос Самсона и его товарищей, бил железной цепью. Недоверие к бывшим военнопленным. Тюрьма, одиночная камера. Затем их пригнали в какой-то большой город, разместили в сарае. Мороз, очень холодно. Затем прадеда повезли в город Люблин, где проверяли всех военнопленных. Жесткая проверка и наконец, долгожданное возвращение домой. К сожалению, записей о дороге, по которой прадед возвращался домой, нет. Мне известно только то, что шёл Самсон Тимофеевич пешком от деревни «Нижняя Тёя» до «Карагая». На пороге родного дома его встретили отец, жена и сын. Так закончилась военная дорога моего прадеда.

## Заключение

Итак, восстанавливая боевой путь моего прадеда, Мамышева Самсона Тимофеевича, мне удалось выяснить следующее:

В 1940г. призван из деревни «Карагай» Таштыпским военкоматом. Из Таштыпа новобранцев везут в Абакан. Из Абакана поездом в Ачинск, затем в Челябинск. Из Челябинска в Киев, затем в город Перемышль, где служил прадед на границе до начала войны.

1941г. В начале войны пограничники получили приказ об отступлении. Попали в окружение в районе города Тернополь. Попытка прорвать окружение противника, закончившаяся неудачно. Прадед был ранен. Кругом немцы. Его укрыла у себя в сарае жительница деревни «Соловей». Он предпринимает попытку прорваться к партизанам, но оказывается в руках фашистов. Затем арест и допрос. Санчасть в г. Тернополе. Городская больница г. Любовь.

1942г. Санчасть г. Любовь-крепость. Немцы уничтожают военнопленных. Прадеду повезло. Остался жив.

1943г. Город «Сельце». Общий лагерь для военнопленных.

1944-г. Город «Деблин», работа с утра до ночи. Мысль о побеге к партизанам. Затем город Краков, недалеко от него прадед стал свидетелем массового расстрела еврейского населения. Город «Токмашев» в 101 км. от Варшавы.

1945г, январь остановились возле города «Пласке». Затем побег прадеда. Маленькая деревушка. Встреча с такими же беглыми бывшими пленными. Неизвестный город, где разжились продовольствием и спиртом. Снова маленькая деревушка без названия. И ,наконец, наши солдаты –пехота. Примкнули к ним. Неизвестный город. Допрос милиционера. Недоверие к бывшим военнопленным. Тюрьма, одиночная камера. И вот пригнали в какой-то большой город, разместили в сарае. Мороз. Очень холодно. Повезли в город Люблин, где была проверка, допрос всех военнопленных.

Возвращение домой. К сожалению, записей о дороге, по которой прадед



возвращался домой, нет. Мне известно только, что шёл Самсон Тимофеевич пешком от деревни «Нижняя Тёя» до «Карагая». На пороге родного дома его встретили отец, жена и сын. Так закончился боевой путь моего прадеда

Недавно мне довелось посмотреть фильм о знаменитой женщине-снайпере времён Великой Отечественной войны Людмиле Павлюченко. Слова, сказанные главным героем, поразили и нашли отклик в моём сердце, потому, что эти простые слова, есть суть, определяющая выживание человека в условиях жесточайшей войны, они подтверждаются всей боевой биографией моего прадеда. А звучат они так: «Война – это не только смерть, это ещё такая жизнь. Если не придумаешь, ради чего тебе жить на войне, тебя убьют».

Мой прадед не герой этой страшной войны, хотя от фашистских пуль никогда не прятался, скорее жертва обстоятельств. Попал в окружение в начале войны, затем скитался по немецким госпиталям, лагерям – сколько горя, страданий, унижений ему довелось вынести. Затем побег. Попал к своим. Незавидная судьба бывшего военнопленного, ведь, как известно, с ними обращались как с предателями. Те же унижения и страдания, только у своих. Жёстокая проверка.

Несмотря на это, прадед не сломался. Сколько раз он был на волоске от смерти. Скольких друзей ему пришлось похоронить. Видел и предательство, и трусость и бесчеловечную жестокость. Всё выдержал этот хрупкий на вид, небольшого роста хакасский паренёк. Откуда такая железная стойкость?

Больше всего на свете мечтал Самсон Тимофеевич увидеть своего маленького сынишку и жену, вернуться домой. Он часто мысленно обращался к ним и верил, что Бог поможет вернуться к родным. Для близких людей писал он раненой рукой в этой тетрадке, не хотел сгинуть бесследно.

А ещё молодость. Как же не хотелось умирать молодым, в расцвете сил, да ещё так далеко от дома. Как птица, свободно и легко, мечтал Самсон взлететь над землёй и улететь подальше от этих страшных мест, к родному очагу, но как долог и тернист был этот путь домой.

## **Литература**

1. Воспоминания Е.С. Толмашовой, записанные автором работы 15.12.18г.
2. Тетрадь-дневник с воспоминаниями о войне С.Т. Мамышева на хакасском языке, переведённая автором реферата